

Благодей

Что забыто давно —
Возвращается новым.
Я как в тайну шагнул,
Прочитав: БЛАГОДЕЙ.
Поразило меня
Это русское слово,
Что не слышно из уст
Современных людей.

Наш родимый язык
Нам подарен с рождением,
Словно мать и отец,
Словно чистый родник.
Но с дикарским тупым
Мозговым помраченьем
Мы уродуем свой
Терпеливый язык.

Благодей — чародей,
Слово «благо» — как чудо.
Бьём поклоны чужим
Языкам без конца.
Перепутан давно
Благодей с благоблудом,
Заменяли отца
На златого тельца.

И стесняемся слов,
Как души откровенья,
«Благодей», «благодар»
Вызывают лишь смех.
Мой великий язык,
Я взываю к прощенью
За не дружбу с тобой —
За себя и за всех.

Август

Паутины тонкой сети Август вывесил на ветках, Солнцу гимн запели птицы, Мох украсила роса. Я проснулся на рассвете И ушёл тропою предков, Я хотел с тайгой проститься И взглянуть в её глаза.	И без цели, без дороги Шёл, счастливый и влюблённый, По тропе легко и прытко, Как по белым облакам.
Мне ласкал босые ноги Мох пушистый и зелёный, Я разглядывал на нитке Акробата-паука	Чистил зубы я брусничкой, Серебрил в ручье ладони И весь воздух был не против В душный город увезти. А, запрыгнув в электричку, Спохватился лишь в вагоне, Что забыл сказать природе И «Спасибо», и «Прости».

Разговор с душой по душам

Ах, моя молодая душа, Как живётся тебе в старом теле? Невозможно прожить, не греша, Грех нам путь сокращает до цели. Ну, признайся, грешила и ты, Не прикроешь грехи покрывалом. Беспричинно сжигала мосты, И безвинно себя предавала. Не бывает ли стыдно тебе За недобрые в прошлом примеры, За бессмысленность ложных побед, За слепые неверья и веры? Ты твердишь: молода, молода, Пусть стареет ненужное тело. Но откуда такая нужда — Чёрный цвет называть цветом белым?	Мы с тобой говорим по душам, Я далёк от пустого веселья. Всё, что даже текло по усам, Отзывается горьким похмельем. Не кричи: молода, молода, Часто молодость с глупостью в связке. Идиот может быть иногда Молодым, как младенец в коляске. Будь такою, к какой я привык — Озорной, непоседливой, страстной, Будь разумной, цени каждый миг, Будь и старой, и юной, и разной. Одолели немалый мы путь, Отдыхать нам до срока — не дело. Обращаюсь к душе: просто будь! И дружи со стареющим телом.
---	--

В вагоне

Вагон электрички качался размеренно,
Кто ехал к делам, кто — от дел.
Седой человек под баян неуверенно
Военную песню запел.
Ребята вели разговор со смартфонами,
За окнами осень плыла.
А песня рвалась за пределы вагонные
И всех за собою звала.
Вагон — не землянка сырая, холодная,

Не поле боёв и погонь.
Но что-то забилося в сердцах благородное,
Как «в тесной печурке огонь».
И в песню вступил голосок юный девичий,
А следом — мужской баритон.
И вскоре, оставив заботы и мелочи,
Запел о войне весь вагон.
И темень за окнами вечером ветреным
Отхлынула вдруг от стекла.
И дорог был людям огонь этот трепетный,
Что песня в их душах зажгла.
Война и любовь, и надежда бездонная
Нахлынули издалека,
И люди согрелись, совсем незнакомые,
У песенного огонька.
Летела сквозь ночь электричка вне времени,
Сменились пространство и фон,
Народ незнакомый стал хором уверенным
И тёплой землянкой вагон.
И стали понятными, близкими, нужными
Любовь и страданья войны.
И людям казалось, что в песню их дружную
Вплетается голос страны.

Театр

Бывает, что дурак — такой снаружи умный,
Ну просто идеал, и, как ни посмотри,
Не сразу разберёшь, какие тронуть струны,
Чтоб музыку понять, что у него внутри.
А вот другой пример: сидит дурак известный
И честно признаёт, что мозгом не силён.
Но вызови его на диалог словесный
И удивишься вдруг, открыв, что он умён.
«Весь мир — большой театр, и люди в нём — актёры» —
Цитата с давних пор любима у людей.
А вывод был простой, бессмысленный и скорый:
Ты — человек такой, какой ты лицедей.
Игру не запретишь. Играйте, люди-пешки.
Быть может, к вам придёт когда-нибудь успех.
Скрывайте нелюбовь под дружеской усмешкой,
Под показной слезой скрывайте злобный смех.
Валайте дурака, прикидывайтесь умным,
А зритель разберёт, оценит, кто есть кто.
Кого-то навсегда запомнит мир подлунный,
А кто-то — просто конь, но в дорогом пальто.
И всё бы хорошо, без лишних откровений,

Но вот мой мозг меня прозрением потряс:
В театре мировом мы с вами все на сцене.
Выходит, зал пустой. И кто оценит нас?

Отгулье¹

Старинное слово «отгулье»
Кому-то явилось помехой.
Чтоб люди его не вернули,
Пришло иностранное — «эхо».
Чужими прививками мучим,
Сражаясь в борьбе беспощадной,
Язык наш не только могучий —
Язык добродушно всеядный.
И я не зову к покаянию,
Не прячусь за ширмой стальнойю.

Хочу, чтоб за импортной дрянью
Мы все не забыли родное.
Я — русский, но это не значит,
Что враг языку я иному,
И нет предо мною задачи
Прогнать чужеродца из дома.
Мне хочется, выйдя из улья,
Что городом нами зовётся,
Воскликнуть с восторгом: «Отгулье!»,
И пусть оно эхом вернётся.

Дождь

Тёплого ливня потоки несутся,
Солнце, за лист зацепившись, плывёт.
Хочется верить с упрямством безумца:
Где-то любовь в этом мире живёт.
Что это? — вдруг задрожали ресницы.
Это не слёзы, а капли с небес.
Хочется верить, что добрые птицы
Снова вернуться в осенний мой лес.

Тёплые струи смывают все маски,
Многое вдруг понимаешь без слов.
Хочется верить, что это не сказки —
Вечные Вера, Надежда, Любовь.
Дождь мимолётен, как душ откровенья,
Только что был — и куда-то пропал.
Хочется верить, что слёз очищенья
Мир не заметил... А дождь не предал...

Перед дуэлью

Жребий брошен. Господа, к барьеру!
Больше к примиренью шансов нет.
Позабудь любовь, мечту и веру.
Целит в лоб бездушный пистолет.
И всё ближе грозное мгновенье —
Старт в ничто, трамплин перед прыжком.
Будет смерть, быть может, воскресенье,
Снова жизнь. Но это всё потом.

И потом, один перед чертою,
Непрощённый, но простивший всем,
Потрясённый чёрной пустотою,
Кто-то спросит у себя: «Зачем?»
Будут покаяния и слёзы,
Будет гаснуть медленно звезда,
Будут запоздалые вопросы...
А пока: «К барьеру, господа!»

¹Отгулье — старорусское название эха.

Два слова

Средь множества звуков красивых
Всё больше теперь не в чести
Великое слово «Спасибо»,
Великое слово «Прости».
А эти два слова — основа
И знак благородства души.
Но люди всё реже готовы
Гордыню в себе притушить.
Стихийная мощь колобродит,
Планета страдает в слезах
За то, что забыли природе
Мы эти два слова сказать.

Проклятие войн и болезней
Достигло бы скоро конца,
Когда бы два слова полезных
Звучали в ушах и сердцах.
Не ради формальности пошлой,
А ради любви торжества
Хотел бы я встретиться с прошлым,
Где помнили эти слова.
Твержу на балу и на тризне,
На отдыхе или в пути
И другу, и миру, и жизни:
— Спасибо тебе и Прости.

Цветные тени

А память — не пляски на старом кострище,
Не скопище чёрных теней,
А память — магнит, что отчаянно ищет
Опилки распиленных дней.
И тени смешные, и тени больные,
Которых в реальности нет,
Не чёрные тени, а тени цветные
Плывут по туманной стене.
Их много — теней многоцветная гамма,
Как радуга сотен цветов,
Не та, что на небе, а кверху рогами —
Копилка событий и снов.
В копилке живут и мечты, и сомненья,
Друзья и враги, и борьба,
Плывут, как мираж, разноцветные тени
Всех тех, с кем сводила судьба.
А время свирепствует монстром голодным:
Всё больше теней-светляков.
И память — не слёзы над пеплом холодным,
А поиск живых угольков.

Страна Россия

И жизнь сюрпризы преподносила,
И рать за ратью в атаку шла.
Держалась стойко страна Россия,
Своим рассудком всегда жила.
И уничтожить враги грозили,
Стремилась чёрный пришить ярлык.

Не предавала страна Россия
Свои устои и свой язык.
Не канут в Лету года лихие,
От полчищ вражьих не стихла дрожь.
Зачем сегодня, страна Россия,
Так много песен чужих поёшь?

Приблудной речи теперь засилье —
Трещит с экранов, вопит с витрин.
Как наркоману, стране России
Укол зловредный необходим.
Придут когда-то года другие,
Из искры пламя вновь возгорит.

И вспомнит предков страна Россия,
По-русски с миром заговорит.
Я уважаю слова чужие,
Но лишь родная мне речь мила.
Хочу, чтоб ты мне, страна Россия,
Сейчас, не завтра родной была.

Дай

Как заполнить душевный пробел,
Одолеть безразличие и глушь?
Но всё больше количество тел,
И всё меньше количество душ.
А планета на всех лишь одна,
И границы имеет, и край.
Но всё реже звучит слово «На»,
И всё чаще звучит слово «Дай».
«Дай» не любит труда и искусств,
«Дай» свободно от лишних оков:

От хрустальной прозрачности чувств,
От звенящей чеканности слов.
Там бессильны и лозунг, и стих,
Где не модно любить и страдать.
Чтобы что-то просить у других,
Надо прежде им что-то отдать.
Уничтожит наш мир не война
И не диких пришельцев орда,
А уход поколения «На»
И приход поколения «Дай».

Париж

Один мечтает о селе,
Другой — о городе Париже.
И я, когда навеселе,
Париж во сне частенько вижу.
Он сельским воздухом манит,
Не городскими тополями,
Какой-то Сенной знаменит,
Ещё какими-то Полями.
Большим селом мне снится он,
Деревней с городским размахом.
Проверить надо бы мой сон,
Чтоб зря потом не рвать рубаху.

Недавно я купил билет
Беспроигрышной лотереи
И сбросил долгий беспросвет,
И душу вновь мечтами грею.
Сорву желанный приз на днях
И не пропью его без меры,
Поправ уверенностью страх,
Куплю огромный лист фанеры.
Создам фанерный самолёт,
Слеплю его без стен и крыши
И с верой, что мой сон не врёт,
Я полетаю над Парижем.